

**ХАН БУКЕЕВСКОЙ ОРДЫ ДЖАНГИР – ЧЕЛОВЕК НИЖНЕВОЛЖСКОГО
ФРОНТИРА**

Ермуханова Н.А.

Ермуханова Нагима Аблихатовна, Астраханский государственный университет,
414056, Астрахань, Россия, ул. Татищева, 20а. Эл. почта: monadragona@mail.ru

Статья посвящена изучению фронта на территории Нижнего Поволжья. Нижневолжский фронт – это зона постоянного взаимодействия разных народов, где исторически проживали и взаимодействовали многочисленные этнические группы: русские, татары, ногайцы, казахи, а также различные народы Кавказа. Фронтирное пространство – это зона межэтнической и межконфессиональной аккультурации, ассимиляции разных этносов. В статье рассматривается появление нового этнополитического объединения казахов на территории Нижней Волги. Букеевская орда интересовала дореволюционных этнографов, чиновников, писателей. Чиновники рассматривали Букеевское ханство как шанс заселения пустовавших земель Нижнего Поволжья с целью дальнейшего хозяйственного освоения. территория Букеевского ханства имела общую границу с Астраханской, Саратовской и Оренбургской губерний. Как отмечали дореволюционные исследователи, именно близкое соседство с русскими поселениями, контакты казахов–кочевников с его жителями оказали значительное влияние на развитие этого этнополитического объединения. Кроме этого, большую роль сыграл хан Букеевской орды Джангир. Джангир был посредником между миром российских властей и миром казахов. Современники хана замечали, что в нем сочетается европейская образованность, великосветское поведение в лучших традициях русской аристократии с менталитетом восточного человека, убежденного мусульманина. С использованием концепции фронт анализируются некоторые мероприятия внутренней политики хана Джангира на проблему взаимодействия русских и казахов на территории Нижнего Поволжья.

Ключевые слова: фронт, Нижнее Поволжье, нижневолжский фронт, Букеевская орда, хан Джангир.

Нижнее Поволжье исторически представляет собой пограничье, местом, где встречаются и взаимодействуют между собой разные этносы. На протяжении всей истории региона существовали периоды, когда на территории происходило соприкосновение двух и более разных по развитию культур. В научной англоязычной литературе такие локальные точки, имеющие большую временную протяженность, называют термином «фронт».

Отечественные ученые С.Н. Якушенков и О.С. Якушенкова обратили внимание, что на территории Нижней Волги возникла ситуация, близкая к ситуации американского фронта. Хотя южный фронт в России развивался совершенно по другому сценарию, авторы считают «несмотря на множество несовпадений и даже кардинальных различий, сопоставление американского фронта с российским аналогом на Нижней Волге дает нам богатую пищу для размышлений» (2010, стр. 114). Нижневолжский фронт являлся контактной зоной разных народов, где царили свои законы. «Здесь русская речь перемежалась татарской, калмыцкой, черкесской, украинской

или персидской. В этом культурном пограничье, как в плавильном котле, формировался свой этнический характер, со своими традициями, предпочтениями, говором и нором» (Якушенков, Якушенкова, 2010, стр. 113).

По мнению вышеуказанных исследователей, «эта этническая полифония, да и определение «народная губерния» как нельзя лучше говорят за себя, подтверждая нашу мысль, что перед нами типичная фронтальная территория» (Якушенков, Якушенкова, 2013, стр. 8).

Нижнее Поволжье представляет собой своеобразную зону, где исторически проживали и взаимодействовали многочисленные этнические группы: русские, татары, ногайцы, казахи, а также различные народы Кавказа и Закавказья. Нижневолжский фронт – зона межэтнической и межконфессиональной аккультурации, ассимиляции разных этносов.

В первой половине XIX века на территории Астраханской губернии образуется Букеевская орда. В 1801 году султан Младшего жуза Букей с группой подвластных ему казахских семей переселился с приуральской степи на правобережную сторону Урала.

В докладе Сената императору Александру I о просьбе султана Букея мы читаем следующую информацию: «о желании Киргиз-Кайсацкой орды хана Букай султана, Нурали ханова сына, быть с подвластным ему народом и подданстве государя императора всероссийского, и о позволении ему и народу киргискому кочевать между Уралом и Волгою и заводить, где удобные сыщется, в лесных местах селения на зимнее прибежище, о определении к нему 100 человек казаков Астраханского казачьего полку и о поручении его со всем подвластным ему киргизским народом генерал-майору и командиру этого полка Попову – 5 числа апреля 1801 года на оное получил высочайшее повеление блаженной и вечно достойной памяти от государя императора Павла Петровича от 11 марта, в котором изображено: председательствующего в Ханском совете Киргиз-Кайсацкой Малой Орде Букея султана, сына Нурали ханова, принимаю к себе охотно, позволяю кочевать там, где пожелает, утверждаю во всей силе ваше представление» (Вяткин, 1940, стр. 256-268).

К концу декабря 1801 в междуречье Урала и Волги переселился Букей-султан с некоторыми подвластными ему семьями казахов в количестве 183 кибитки, или 740 человек, и его любимый брат султан Шигай со своим семейством. Этой миграцией небольшой группы казахов на внутреннюю сторону Урала для постоянного кочевания, по существу, было положено начало процессу постепенного заселения казахскими родами Младшего жуза территории заволжских степей, входившей тогда в состав Астраханской губернии Российской империи (Жанаев, 2002, стр. 5).

Дореволюционные ученые-этнографы, писатели, чиновники, священники обращали свое внимание на Букеевскую орду, или как ее называли Внутренняя Киргизская орда в силу разных причин. В первую очередь, интерес был обусловлен государственными целями. В пределах внутри Российской империи было создано этнополитическое образование

казахов-кочевников, которое рассматривалось российскими властями как шанс заселения пустовавших земель Нижнего Поволжья с целью дальнейшего хозяйственного освоения. Во-вторых, территория Букеевского ханства имела общую границу с Астраханской, Саратовской и Оренбургской губерний. Как отмечали дореволюционные исследователи, именно близкое соседство с русскими поселениями, контакты казахов–кочевников с его жителями оказали значительное влияние на развитие этого этнополитического объединения, так А.Н. Харузин в своем произведении «Киргизы Букеевской орды» так поясняет это событие: «Переход части населения киргизской орды по сею сторону Урала есть факт, заслуживающий большого внимания, чем это может показаться при первом взгляде на дело. Несколько десятков тысяч киргизов, беспокоивших наше правительство в продолжение многих лет, были отделены от обширного киргизского племени, а впоследствии закрывшеюся казацкой уральской линией, окончательно отрезаны. Эта группа киргизов, образовавшая, так называемую, Меньшую, Внутреннюю или Букеевскую орду, потеряла всякую связь с своим соплеменниками, утратила многое из своего оригинального быта, ослабла, если так можно выразиться, нравственно, потеряла под собою национальную почву. В киргиз–букеевце мы лишь отчасти узнаем его средне–азиатского соплеменника. Это племя значительно ушло от своих зауральских собратьев в цивилизации (в хорошем и дурном смысле). Уже П.И. Небольсин (1852) в своих «Очерках Волжского низовья» пишет, что киргизы Внутренней орды рознятся от зауральских киргизов тем, что, будучи отовсюду окружены русскими, более ознакомились с нашей гражданственностью и утратили диковатость и буйную воинственность своих «заречных» соплеменников. П. Медведский говорит об этом следующими словами: «Находясь более полу столетия в близких отношениях с русскими, они успели далеко опередить своих зауральских соплеменников; нам даже не раз доводилось слышать мнение, что если сличить быт кочевых народов Ставропольской губернии с бытом Внутренней орды, то перевес – в отношении степени гражданского развития, – останется на стороне последних» (Харузин, 1888, стр. 20).

Поэтому закономерно, что дореволюционных исследователей привлекала историческая фигура последнего правителя Букеевской орды хана Джангира (1824-1845 гг.), которому подавляющее большинство из них отводило роль просвещенного проводника европейской цивилизации в слабо освоенных степных окраинах Российской империи.

В 1815 году умирает первый хан Внутренней орды. Как сообщается в послании оренбургского военного губернатора управляющему Азиатским департаментом И. А. Вейдемейру, «располагающий на Астраханских степях в Рын-песках хан Букей Нуралин, быв одержим водяною болезнью, скончался мая 21 дня» (РГИА, Ф. 1291, О. 81, Д. 54 Л.2). Из прошения вдовы Атан Букеевой императору Александру I мы видим, что после смерти хана Букея у него остается малолетний сын Джангир. «При смерти же своей сделал завещание, чтобы после его владеть помянутым киргизским народам

на всех тех правах, какими были ему Вашим Императорским Величеством предоставлены, родному сыну моему от меня рожденному по имени Джагер Букееву, от роду 14 лет имеющему, по малолетству же его впредь до совершенного возраста определил к нему для управления киргизским народом родного брата своего султана Сагая Нуралиева» (РГИА, Ф. 1291, О. 81, Д. 5 Л. 94 об. – 95 об.). 24 октября 1816 года в городе Уральске назначенный российскими властями правителем Внутренней Орды Шигай Нуралиев был приведен к присяге. Молодой наследник с матерью были вынуждены примириться с положением вещей.

Как отмечает И. С. Иванов¹, составитель биографии «Джангер, хан Внутренней Киргизской орды», отношения между дядей и племянником были напряженные. Пример брата был для Шигая слишком соблазнительным, чтобы не попытаться стать ханом Внутренней Орды. «Вследствие этого, 29 октября 1816 года поступила от нескольких родоначальников к военному губернатору просьба о возведении правителя орды в ханство; но князь Волконский отклонил ее. Тем не менее Шигай не отказался от своего намерения и в конце 1822 года представил новое прошение киргизских старшин о возведении его в ханское достоинство; но, опасаясь соперничества Джангера, старался вместе с тем очернить его перед начальством. Запрошенный Джангер оправдался в клеветах дяди и при этом сообщил оренбургскому военному губернатору просьбу о допущении его, как достигшего совершеннолетия, на основании родительского завещания, к управлению Внутреннею Ордою. Такого же рода прошение было отправлено было им и к министру иностранных дел» (Иванов, 2001, стр. 22).

Военный губернатор Оренбургского края П.К. Эссен ходатайствовал о возведении Джангира на ханский престол. «Подтверждая о недозволенных искательствах Султана Шигая, находит, что по сведениям оренбургского пограничного управления не видно ничего, что могло бы сблизить Султана сего с достоинством ханским. Напротив того, Султан Джангир по качествам своим снискал уважение и доверенность не только между киргизцами, но и от российских жителей, смежных с Букеевской ордою губерний. Астраханский и саратовский гражданские губернаторы подтверждают сие в полной мере. Генерал Эссен, получив от старшин, прибывших из Букеевской орды, доверенность, данную от народа оной для испрошения высочайшего соизволения на утверждение избранного им Султана Джангира в сан правителя и хана, ходатайствует о возведении его в сие достоинство» (РГИА, Ф. 1291, О. 81, Д. 5, Л.104-105 об.). Обряд возведения Джангира в ханское достоинство состоялось в Уральске 26 июня 1824 года (Иванов, 2001, стр. 24).

После этого события в архивах сохранился интересный документ, позволяющий увидеть точку зрения российских должностных лиц по отношению к казахам Букеевской орды. Полковник Берг в своем рапорте управляющему министерством иностранных дел К.В. Нессельроде по случаю возведения в ханское достоинство хана Джангира в Уральске акцентирует

¹ И.С. Иванов – председатель Временного совета по управлению Внутренней Букеевской ордой. Собрал огромный массив архивных данных про деятельность хана Джангира.

внимание на различия между казахами Букеевской орды и Малой: «Окруженные со всех сторон христианами – поданными Империи, Киргизы Букеевской орды совершили ощутимый сдвиг к началам цивилизации. Спокойствие царит среди десятка их родов. Их управляющие и старшины ценят преимущества мирного существования и заняты лишь сохранением и приумножением своих многочисленных и прекрасных стад. Торговля, которой они занимаются, год от года становится все более значительной. Среди них находятся уже такие, кто приписан ко второй и даже к первой купеческой гильдии. Большинство из Султанов уже говорят по-русски» [РГИА, Ф. 1291, О. 81, Д. 5, Л. 131-133 об.]. Благодаря этому документу, мы видим, как фронтирное пространство Букеевская Орда влияет с экономической и социальной точки зрения на живущих в ней казахов. Кроме этого, документ служит свидетельством особого отношения российских властей к Внутренней киргизской орде. Красной линией проходит мысль среди документов и исследовательских работ дореволюционных ученых о том, что фронтирное пространство Букеевской орды – это зона, отличающаяся от традиционных орд казахов особой ментальностью и образом жизни.

И здесь же полковник Берг пытается подчеркнуть мысль об использовании Внутренней Киргизской орды как пример для воздействия на казахов Малой орды: «Генерал-губернатор Оренбурга удачно воспользовался огромным стечением Киргизов–Букеевцев в Уральске, чтобы воздействовать на настроение кочевников Малой Орды. Он пригласил принять участие в торжествах Султана Каратая со множеством Киргизов Малой орды. В присутствии сих последних генерал Эссен был особенно щедр на похвалы и знаки доброжелательности по отношению к киргизам-букеевцам. Были розданы подарки 420 лицам из свиты нового Хана. Торжества, развлечения, скачки на лошадях, гимнастические упражнения были проведены со вкусом и великолепием, возможными в этих местах. Мы ничего не упустили, чтобы показать киргизам Малой орды, сколько выгод представляет жизнь в мире и согласии» (РГИА, Ф. 1291, О. 81, Д. 5, Л. 131-133 об.).

Рапорт обращает внимание на Джангира как на посредника в межкультурном диалоге между русскими и казахами: «Нового хана, хотя он весьма молод, слушают и уважают даже старцы, потому что он умеет хранить их обычаи и в то же время демонстрировать воспитание светское, которое он получил в Астрахани. Он в совершенстве владеет литературой на своем языке, говорит и пишет на другом, достаточно хорошо по-русски. Он прекрасно осознает преимущества, которые ему даст цивилизация над всеми его соотечественниками, и усердствует, чтобы получить у генерал-губернатора разрешение отправить в Оренбург своего младшего брата вместе с другими молодыми Султанами, тем более что там уже открыт Неплюевский корпус» (РГИА, Ф. 1291, О. 81, Д. 5, Л. 131-133 об.). В силу разных обстоятельств, молодому хану пришлось выполнять функцию культуртрегера. По сути, хан Джангир является личностью фронтирного пространства. Ведь кто такой человек фронта? В первую очередь, этот человек открыт для

нового, он отличается высокой восприимчивостью к новому, отказу от старого, традиционного образа жизни. «Хан Джангир также поделился с нами своим желанием обзавестись постоянным жилищем для шести зимних месяцев на берегу Каспийского моря. Большинство его султанов уверяли нас, что они последуют его примеру, убежденные в том, что им и всем ордынцам будет лучше жить зимой в домах и ограничить свою жизнь кочевников шестью месяцами теплого времени» (РГИА, Ф. 1291, О. 81, Д. 5, Л. 131-133 об.).

Выступление Джангира на обряде возведения в ханское достоинство перед своими поданными о желание начать оседлую жизнь привело в дальнейшем к огромным сдвигам в жизни Букеевской орды. Огромное число дореволюционных исследователей Внутренней киргизской орды считало своим долгом подчеркнуть мысль, что хан Джангир сыграл огромную роль в превращении казахов из кочевников в оседлую нацию. С.И. Иванов в своем труде пишет следующее: «Заслуги хана Джангера в этом деле более значительны, что киргизы в то время не только не чувствовали расположения к оседлости, но, по словам, Железнова, «как огня» боялись оседлой жизни и много раз пытались снова уйти за Урал, но были удерживаемы силою оружия» (Иванов, 2001, стр. 39). В сознании казахов оседлость олицетворяло «душную курную избушку или землянку». Они связывали оседлое положение с понятиями крестьянства и солдатней.

Как считают некоторые исследователи, переход казахов к оседлости было одним из важных направлений внутренней политики хана Букеевской орды. «Основание первых стационарных населенных пунктов в регионе: в 1827 году – селения Хан-Калы, или так называемой ставки Торгун-Кала, расположенной на реке Торгун. За короткий период обе эти ставки превратились в основные административные, экономические и культурные центры ханства» (Жанаев, 2002, стр. 14).

Из выписки из журнала Азиатского комитета 1827 года о ходатайстве хана Джангира на построение дома позволяют увидеть отношение российских властей: «Граф Нессельрод при сем изъяснил о тех выгодах, ... кои могут произойти от устройства для Хана Джангира Букеева постоянного жилища, и кои главнейшие заключаются в том, что оно находится будет почти в середине кочевков управляемой им орды, и, следовательно, всякие сношения с ним киргизов и россиян получат значительное облегчение и удобство; не менее того полезно будет исполнением ... желания сего Хана показать новый опыт внимания Правительства к его образованности, усердию и попечения о вверенных ему киргизах, каковые достоинства обратили уже на него Монаршее благословление» (РГИА, Ф. 1291, О. 81, Д. 120, Л.1-2об.).

Надо заметить, что молодой хан Букеевской орды являлся медиатором в межкультурном диалоге между миром российских властей и миром казахов-кочевников. Источники подтверждают, что в фронтальном пространстве Букеевской орды хан Джангир являлся и прямым и обратным транслятором. Молодой хан был субъектом передачи казахской культуры для

представителей Российской империи. Так же, Джангир транслировал российские ценности представителям своего народа. Современники хана Букеевской орды замечали, что в нем сочетается европейская образованность, великосветское поведение в лучших традициях русской аристократии с менталитетом восточного человека, убежденного мусульманина. «Все это в совокупности придавало личности Джангир хана в глазах российской научной общественности, царских чиновников разных уровней и самого императора Николая I некий особый «евразийский» колорит и большое личное обаяние, что являлось одной из важных предпосылок постоянно оказываемых ими хану Внутренней орды покровительства и поддержки во многих проводимых им мероприятиях среди казахского населения Волго-Уральского региона» (Жанаев, 2002, стр.10).

Другим не менее важным направлением преобразований во Внутренней орде являлось появление светского общеобразовательного учреждения для казахов. Хан Джангир еще до открытия учебных заведений в Букеевской орде старался способствовать образованию казахов посредством отправки детей в другие города на обучение. Но ему не всегда это удавалось. По словам Иванова, «в астраханской гимназии не было тогда пансионеров, а содержать детей на вои собственные средства киргизы не выражали желания» (Иванов, 2001, стр. 46). А в 1-ой казанской гимназии, где обучались дети разных национальностей для поступления в университет, хану Джангиру было отказано. Все привело к тому, что хан решил устроить в Букеевской орде свое собственное училище, которое и было открыто 6 декабря 1841 года. Хан понимал важность образования, поэтому в знаменитом письме к советнику Чуке Нуралиеву он высказал следующие мысли: «Известно вам, что в нынешние времена необходимо иметь познания не только в чтении и письме, ни и в разных науках, без чего нельзя хорошо выучиться закону правоверному, пророком Божиим нам данному, ни в особенности без познания грамоты быть хорошим должностным чиновником в Орде, именно, родоправителем или депутатом. Вам известно, что без таких познаний скорее можно быть обманутым нехорошими людьми и весьма замедляется течение как судебных, общественных, так в частных ваших исков в обидах» (Иванов, 2001, стр. 49). Открыв в Ставке училище, хан Букеевской Орды призывал свое окружение отправлять детей учиться. Надо заметить, что Джангир мог бы гордиться своим детищем. В первый год было засчитано 25 учеников, а уже в 1891 году через нее прошли несколько поколений – около двух тысячи детей.

Кроме образования, хан Джангир обращал пристальное внимание на медицину: «Желая, сколько возможно, способствовать ко благу подвластного мне народа, дать способы облегчить участь страждущих болезнями, я намерен устроить больницу, завести аптеку, обучить фельдшеров, как для прививания оспы, так и в помощи в болезни необходимых, равно и ко введению постепенно, правильного медицинского пользования. К предупреждению опасностей, могущих произойти от зарождающихся в скотах болезней, – обучить, по правилам науки, коновалов. Словом,

предпринять все меры по улучшению хозяйственной промышленности кочующего народа» (Иванов, 2001, стр. 53). По словам И.С. Иванова, в Букеевской орде появились врач (врач, сведущего не только в лечении внутренних болезней, но и в хирургических операциях, и в акушерском искусстве с определением ему достаточного жалованья, и особой суммы на лекарства), ветеринар и повивальная баба (Иванов, 2001, стр. 54). А с 1826 г. началось оспопрививание. К декабрю 1834 года были привиты 2123 мальчиков и девочек, в том числе и дети хана. Единственное, что не удалось хану – это открыть больницу. Она была открыта только в 1852 году.

Кроме социально-культурных преобразований, хан Джангир уделял внимание экономическим процессам. В 1833 году была учреждена ярмарка, на которую съезжались и казахи, и русские. По этому поводу есть замечательная статья А. Леопольдова «Отношение русских к киргизам». Автор с воодушевлением пишет о зарождающей дружбе между национальностями: «Многие из русских коротко знакомы с киргизами и видят, как говорится, хлеб и соль. Если русский приедет к киргизу, то последний приглашает его в свою кибитку, сажает на кошму, поит кумысом. Если киргиз приедет к русскому, то последний ставит лошадь его к сену, приглашает в избу, поит вином и кормит хлебом» (Леопольдов, 1856, стр. 64-65). А. Леопольдов подчеркивает мысль о важности торговли между народами: «Русские гуртпромышленники, с открытием каждой весны, спокойно ездят в Орду со значительными капиталами, покупают там скот, пользуются кредитом часто на одно слово или делают законные сделки по делам торговым. В особенности учреждение ярмарки в Рын-песках сблизило русских с киргизами и содействовало к развитию торговли, год от года увеличивающейся» (Леопольдов, 1856, стр. 64-65). Хан Джангир является неоднозначной личностью фронтального пространства на территории Нижнего Поволжья. В период его правления произошел ряд важнейших процессов в социально – экономическом и культурно – духовном направлениях. Но мы можем однозначно сказать, что деятельность хана Букеевской орды сыграла решающую роль в изменениях казахской ментальности. Джангир был порождением нижневолжского фронта. Рожденный в казахской среде, но уже с детства впитывающий российскую культуру, он являлся транслятором не только для своего народа, но и для Российской империи.

Библиографический список:

1. Жанаев, Б.Т. (2002) *История Букеевского ханства. 1801 – 1852 гг.:* Сборник документов и материалов. Составитель: Жанаев, Б.Т. & Иночкин, В.А. & Сагнаева, С.Х (ред). Алматы: Дайк-Пресс
2. Иванов, И.С. (2001) «Джангер, хан Внутренней Киргизской Орды», выпущенная в типографии Н.Л. Рослякова в г. Астрахани, 1895. *Букеевской Орде 200 лет. Книга 2.* Алматы: Олке

3. Леопольдов, А. (1852) Отношение русских к киргизам *Самарские губернские ведомости. Часть неофициальная. №5*, стр. 64-65.
4. Вяткин, М.П. (1940) *Материалы по истории Казахской ССР. 1758-1828. М.-Л. Т. 4*
5. РГИА. Ф. 1291. О.81. Д.5.
6. РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 54.
7. РГИА. Ф. 1291. Оп. 81. Д. 120.
8. Харузин А. Н., (1888) *Киргизы Букеевской орды (Антрополого-этнологический очерк). Выпуск первый. М.: Типография А.А. Левенсон и Со.*
9. Якушенков, С.Н., & Якушенкова, О.С. (2010) *Американский фронт и российские аналогии в Поволжье и на Нижней Волге. Каспийский регион: политика, экономика культура №1 (22)*, стр. 109-114.
10. Якушенков, С.Н., & Якушенкова, О.С. (2013) *Изобилие ресурсов как одна из черт фронтальных территорий. Человек. Сообщество. Управление. №2*, стр. 4-15.

JAHANGIR THE KHAN OF THE BUKEY HORDE – MAN OF THE LOWER VOLGA FRONTIER

Ermukhanova N.A.

Ermukhanova Nagima Ablahatovna, Astrakhan State University,
414056, Astrakhan, Russia, Tatishcheva, 20a . E - mail: monadragona@mail.ru

The article is devoted to the study of the frontier in the territory of the Lower Volga region. Lower Volga frontier is a zone of constant interaction between various nations, a place where numerous ethnic groups such as Russians, Tatars, Nogais, Kazakhs, as well as various peoples of the Caucasus, historically lived and interacted. Frontier space is a zone of ethnic and religious acculturation, assimilation of different ethnic groups. The article deals with the emergence of new ethno-political association of the Kazakh in the Lower Volga. The Bukey Horde attracted great interest of pre-revolutionary ethnographers, officials, and writers. Officials considered the Bukey khanate an opportunity to populate unoccupied lands of the Lower Volga region in order to further economic development. The territory of the Bukey khanate had a common border with the Astrakhan, Saratov and Orenburg provinces. As noted by the pre-revolutionary researchers, it is the close proximity of the Kazakh nomads to Russian settlements and contacts with its inhabitants that have had a significant impact on the development of ethno-political association. In addition, the significant role was played by Khan Jahangir of the Bukey Horde. Jahangir was a mediator between the world of the Russian authorities and the world of the Kazakh nomads. Khan Jahangir's contemporaries noticed that European education, the grand behavior in the best traditions of Russian aristocracy with the mentality of an Eastern man, a strong Muslim, were combined in his persona. With the use of the concept of frontier we analyze some of the Khan Jahangir's activities of internal policy on the problem of interaction between the Russian and the Kazakh in the territory of the Lower Volga region.

Keywords: frontier, Lower Volga, Lower Volga frontier, Bukey Horde, Khan Jahangir

References:

1. Zhanaev, B.T. (2002) *History of the Bukey Khanate. 1801 - 1852. The*

Collection of the documents and materials. Compiled by: Zhanaev, VT & Inochkin, VA & Sagnaeva, S.H. (eds). Almaaty : Dyke -Press

2. Ivanov, I.S. (2001) Dzhanger of the Khan Inner Kirghiz Horde, released in the printing N.L. Roslyakova in Astrakhan, 1895. *The Bukey Horde 200 years. Book 2*. Almaty: Olke.

3. Leopoldov, A. (1852) The Attitude of the Russian to the Kirghiz. *Samara Provincial Gazette. The informal part*. No. 5, pp 64-65.

4. Vyatkin, M.P. (1940) *Information on the history of the Kazakh SSR. 1758-1828*. M.-L. T. 4

5. *RSHA* (Russian State Historical Archives). F. 1291. O.81. S.5.

6. *RSHA*. F. 1291. Op. 81. D 54.

7. *RSHA*. F. 1291. Op. 81. D 120.

8. Kharuzin, A.N. (1888) *The Kirghiz of the Bukey Horde (anthropological and ethnological sketch)*. First edition. Moscow: A. A. Levenson's Publishing House.

9. Yakushenkov S.N., & Yakushenkova O.S. (2010) the American frontier and the Russian counterparts in the Volga region and the Lower Volga. *The Caspian region: politics, economy culture No. 1 (22)*, pp. 109-114.

10. Yakushenkov S.N., & Yakushenkova O.S. (2013) the Abundance of resources as one of the frontier areas. *Human. Community. Management. No. 2*, pp. 4-15.